

СПЕЦ. ЦЕНА

ЧИТАЙТЕ ВСЕ РОМАНЫ АЛЕКСАНДРЫ МАРИНИНОЙ:

Стечение обстоятельств
Игра на чужом поле
Украденный сон
Убийца поневоле
Смерть ради смерти
Шестерки умирают первыми
Смерть и немного любви
Черный список
Посмертный образ
За все надо платить
Чужая маска
Не мешайте палачу
Стилист
Иллюзия греха
Светлый лик смерти
Имя потерпевшего никто
Мужские игры
Я умер вчера
Реквием
Призрак музыки
Седьмая жертва
Когда боги смеются
Незапертая дверь
Закон трех отрицаний
Соавторы
Воюющие псы одиночества
Тот, кто знает. Опасные вопросы
Тот, кто знает. Перекресток
Фантом памяти
Каждый за себя
Замена объекта
Пружина для мышеловки
Городской тариф
Чувство льда
Все не так
Взгляд из вечности. Благие намерения
Взгляд из вечности. Дорога
Взгляд из вечности. Ад
Жизнь после Жизни
Личные мотивы
Смерть как искусство. Маски
Смерть как искусство. Правосудие
Бой тигров в долине
Оборванные нити
Последний рассвет
Ангелы на льду не выживают
Казнь без злого умысла

Адрес официального сайта Александры Марининой в Интернете
<http://www.marinina.ru>

АЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

ЧУЖАЯ МАСКА

МОСКВА
2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М26

Маринина, Александра.
М26 Чужая маска / Александра Маринина. —
Москва : Издательство «Э», 2015. — 400 с. —
(А.Маринина. Меньше, чем спец.цена).

ISBN 978-5-699-82157-0

Сотрудница уголовного розыска Анастасия Каменская занимается расследованием загадочной смерти известного писателя. Жена осужденного за умышленное убийство бизнесмена просит частного детектива Стасова доказать невиновность ее мужа... Неожиданные повороты и новые обстоятельства, открывающиеся в этих делах, таинственным образом связаны между собой и приводят к неожиданной развязке.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-82157-0

© Алексеева М.А., 2015
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2015

Глава 1

Настя Каменская ушла в работу с головой и недовольно поморщилась, услышав телефонный звонок.

— Ася, у тебя телевизор включен? — послышался в трубке голос мужа.

Алексей всю неделю жил у родителей в Жуковском. В институте, где он работал, начался отчетный период, и он целыми днями пропадал в своей лаборатории, а от дома родителей до института было не больше десяти минут средним шагом.

— Нет, я работаю, — ответила Настя. — А что в телевизоре?

— По РТР идет очень забавная передача про то, как у вас в милиции права граждан нарушаются. Посмотри, получишь удовольствие.

— Какое уж тут удовольствие, — вздохнула она. — Опять небось пинают нас грязными сапогами.

— Пинают, — со смехом согласился Алексей, — но ваши сопротивляются изо всех сил. Ты включи, не пожалеешь. Там приятель твой, генерал Заточный, с ними сражается.

Настя метнулась к телевизору. Да, действительно, на экране возникло знакомое худое лицо Ивана Алексеевича Заточного, одного из руководителей главка по борьбе с организованной преступностью. Впервые она увидела генерала в форме и не могла не признать, что в кителе, отлично сидящем на сухошавом поджаром теле, Заточный смотрелся намного эффектнее, чем в куртке или спортивном костюме — как Настя

привыкла видеть его во время их постоянных прогулок.

Противником генерала в этих теледебатах был какой-то плюгавый мужичонка в огромных очках, то и дело сползающих по тонкой переносице на самый кончик длинного носа.

— Ко мне постоянно обращаются граждане, — вещал мужичонка, — с жалобами на то, что в милиции грубо нарушались их права, в том числе и право на телесную неприкосновенность.

В это время на экране появились титры: «Николай Поташов, правозащитник».

— Переводя на русский язык, — продолжал Поташов, — эти люди жалуются на то, что в милиции их избивают и пытаются обманом вынудить признать себя виновными в том, чего они не совершали. Вам, Иван Алексеевич, известны такие факты, или то, что я рассказываю, является для вас откровением?

— Мне, положим, известны и не такие факты, — усмехнулся Заточный. — А вам, уважаемый господин Поташов, известно, что работники милиции иногда оказываются ворами, грабителями, насильниками и убийцами? Мы, если помните, однажды уже пережили эпоху министра внутренних дел, который считал, что козь в милиции попадают негодяи и сволочи, то она вся насквозь плохая и нужно ее немедленно всю поголовно обновить. А что из этого получилось, тоже помните? В нашу систему пришли партийные и комсомольские работники, которые вообще ничего в нашем деле не понимали, зато, как предполагала тогдашняя идеологическая доктрина, были все до одного честные и порядочные. Правда, очень скоро оказалось, что они в плане честности ничуть не отличаются от всех остальных милиционеров, а работать не умеют, и в результате работа по раскрытию преступлений и их предупреждению оказалась разваленной. Я это к тому говорю, что работники милиции в своей массе точно такие же, каково население в целом. В нашу систему сотрудники не с неба падают, их не в инкубаторах выводят. Они родились и выросли в нашей среде, так почему они должны быть лучше, чем мы все?

— Ну, уж это ваше заявление не выдерживает никакой критики! — всплеснул руками правозащитник Поташов. — Зачем государству такая милиция, которая ничем не отличается от основной массы населения? Весь смысл вашей системы в том, что в нее должны приходиться лучшие, чтобы бороться с худшими. Это принцип построения любой правоохранительной системы в любой стране.

— А как вы собираетесь отличать лучших от худших? — иронично поинтересовался генерал. — У них что, на лбу написано?

— Должен быть строгий отбор и полная непримиримость к малейшим проступкам, не говоря уже о служебных нарушениях, — твердо заявил Поташов. — Только так вы сможете очистить свои ряды от тех негодяев, которые издеваются над гражданами.

— Хорошо, Николай Григорьевич, мы так и сделаем. Завтра вашу квартиру обворуют, вы позвоните в службу «ноль два», а там вам никто не ответит: мы всех девушек уволили, потому что они или на работу опаздывают, или с гражданами недостаточно вежливо разговаривают, или совершают административные проступки, например, нарушают правила дорожного движения. Тогда вы позвоните в свое отделение милиции, и там вам скажут, что всех сыщиков поувольняли и ехать к вам некому. Один дежурный остался, потому что должен же кто-то на телефоне сидеть. И что ж вы думаете, нам так легко будет новых сотрудников набрать? Умных, образованных, вежливых, профессионально грамотных и неподкупных. Умные и образованные юристы уже давно по фирмам да службам безопасности разбежались, им наша милицейская зарплата — тьфу, даже сказать стыдно.

— Что же, по-вашему, выходит, лучше плохие милиционеры, чем совсем никаких? — взвился Поташов. — Это уж, знаете ли, вообще ни в какие рамки...

— Не передергивайте, Николай Григорьевич, — едва заметно поморщился Заточный. — Я так не говорил. Я пытался объяснить вам, что ту элиту, о которой вы мечтаете, взять негде. Нечем нам их привлечь к себе, понимаете? И потом, есть еще один немаловажный аспект — а где их готовить? Сыщиков и сле-

дователей учить нужно, а где? Вы хотя бы приблизительно представляете себе, какие здесь существуют проблемы?

— Насколько я знаю, только в одной Москве существует целых три высших учебных заведения МВД. Неужели этого мало?

— Увы, — развел руками Заточный, — мало. Я вам приведу только один пример — Московский юридический институт. Площадей не хватает, прием слушателей на первый курс ежегодно увеличивается, институт вынужден арендовать учебные помещения по всей округе, занятия идут в три смены в четырех разных зданиях. А сколько за эту сумасшедшую работу получают преподаватели? В переводе на общепонятный коэффициент — около трехсот долларов, это вместе с доплатами за офицерское звание, за выслугу лет и за ученую степень. Так скажите мне, уважаемый Николай Григорьевич, кто в таких условиях будет учить будущих работников милиции? Да пусть у нас в Москве будет не три, а десять высших учебных заведений, где мы наберем преподавателей для этой адской работы? Опять-таки, я говорю все это не для того, чтобы вас разжалобить, а для того, чтобы вы поняли, что в нынешних условиях милиция — это то же самое население, не хуже, но и не лучше. А для того, чтобы заниматься отбором элиты, нужно, чтобы к нам на работу стояла очередь...

Насте стало скучно. Все это она слышала неоднократно, да и не только слышала, а сама много раз говорила.

— И все-таки все эти ваши трудности не оправдывают фактов нарушения прав граждан работниками милиции. Никакими трудностями нельзя оправдать нарушения закона. Люди идут в милицию со своей бедой, надеются на помощь и сострадание, а что они видят?

— Минуточку, — поднял ладонь Заточный. — Мы о чем с вами говорим? О том, что в милиции плохо обращаются с потерпевшими или все-таки с преступниками? То, что с потерпевшими бывают недостаточно вежливы и терпеливы, нас не украшает, но нару-

шения гражданских прав здесь нет, поэтому давайте не будем уходить от темы нашей дискуссии...

Настя ушла на кухню и поставила чайник на огонь. Раз уж она все равно оторвалась от работы, так хоть поест заодно. Плохо, когда Лешки нет, готовить для себя она ленится, приходится перебиваться бутербродами и кофе. Отрезав два толстых ломтя буженины, Настя щедро полила их кетчупом, немного подумала и выложила из банки на тарелку несколько ложек консервированного зеленого горошка. Вполне приличная имитация мяса с овощами.

Когда чайник закипел, она налила себе огромную чашку крепкого кофе, поставила ее на поднос вместе с бужениной и горошком и устроилась в кресле перед телевизором.

— ...практикуются незаконные осуждения, в местах лишения свободы оказываются невинные. Эти люди пишут мне из колонии, а после освобождения приходят сами и просят защитить их, добиться правды и реабилитации. Я допускаю, что нераскрытое преступление может оказаться следствием недостаточной квалификации следователя и оперативного работника, но когда преступление, с позволения сказать, раскрывается таким вот образом, то есть за счет невинного, это уже может быть связано только со злым умыслом. И оправдания этому нет и быть не может! — горячо говорил Поташов.

— У вас есть конкретные факты? — вмешался ведущий. — Если вы представите нам документы по таким фактам, мы пригласим экспертов из числа наиболее компетентных сотрудников правоохранительной системы и попросим в нашей следующей передаче прокомментировать их. Наше время, к сожалению, подходит к концу. Я благодарю всех участников передачи и напоминаю, что спонсором нашей программы является...

Настя выключила телевизор и снова погрузилась в размышления об аналитической справке, которую готовила для своего начальника. Конец года — у всех отчетный период, не только у научных работников, таких, как ее муж Алексей Чистяков. Хорошо, что завтра воскресенье. Если ничего экстренного не про-

изойдет, она, пожалуй, сумеет закончить справку и в понедельник отдаст полковнику Гордееву. Но от разноса на оперативном совещании это ее все равно не спасет: убийство модного молодого писателя Леонида Параскевича висит на ней мертвым грузом и вот уже две недели ни с места.

Поскольку в чашке еще оставался кофе, а вставать с уютного кресла ей не хотелось, она решила позвонить Заточному.

— Иван Алексеевич, вы стали телезвездой, — шуточно поприветствовала она генерала.

— Да ну вас, — отмахнулся тот. — Будете теперь издеваться. Вам только попади на язычок.

— А вы не попадайтесь. Нет, правда, вы выглядели очень уверенным, не то что ваш оппонент. Откуда он взялся?

— Понятия не имею. Меня с ним уже в студии познакомили. Должен вам сказать, он не такой уж противный, каким кажется на первый взгляд. Манеры, конечно, чудовищные, но мужик он толковый. Кстати, почему вы перестали гулять в парке? Мы с вами почти два месяца не встречались.

— Холодно, декабрь же.

— Не годится. Гулять надо обязательно, иначе потеряете работоспособность. Завтра жду вас в восемь утра там же, где обычно.

— Иван Алексеевич, спать хочется, рано уж очень. Может, хотя бы в десять?

— В восемь, — рассмеялся генерал. — Мир принадлежит тем, кто рано встает. И потом, не надо нарушать традиции.

— Ладно, — тяжело вздохнула Настя, — не будем нарушать.

* * *

Санаторий располагался в двадцати километрах от Кольцевой автодороги, добираться туда было удобно, и Сергей Николаевич Березин навещал Ирину ежедневно, а иногда и по два раза в день.

Они неторопливо прогуливались по заснеженным

аллеям, изредка кивая идущим навстречу людям. Ирина находилась здесь уже три недели и со многими была знакома.

— В понедельник я тебя заберу домой, — сказал Березин. — Два дня побудешь дома, а в среду у нас мероприятие. Ты готова?

— Я боюсь, — тихо сказала Ирина. — А вдруг у меня не получится?

— А ты настройся. Ты — моя жена, все время помни об этом и не теряй уверенности. Тогда все получится.

— Вдруг я что-нибудь ляпну? Я же ничего в ваших делах не понимаю.

— А ты и не должна понимать. Политика — это не женское дело, так всем и говори. Будь милой, приветливой, улыбайся, в дискуссии не вступай, и все будет в порядке. Ты несколько месяцев лежала в клинике, потом три недели провела в санатории, вполне естественно, что ты не в курсе последних событий. И самое главное — не стесняйся говорить, что ты чего-то не помнишь. Ты же попала в аварию, у тебя было сотрясение мозга, после этого вполне нормально, что начались проблемы с памятью. Все же люди, все это понимают. Если почувствуешь, что-то не так, у тебя начнет кружиться голова — разыщи меня в этой толпе. Не бойся, Ирочка, все будет хорошо.

— Знаешь, многие считают, что жена политика должна быть его соратницей и разбираться во всех его делах. Если я окажусь круглой дурой, меня просто не поймут.

— А мы с тобой считаем, что жена должна обеспечивать мужу крепкий тыл, оказывать ему моральную поддержку во всех начинаниях, быть хозяйкой и просто любимой женщиной. Потому что ни один мужчина не в состоянии заниматься своим делом, если у него за спиной не стоит любимая и любящая женщина, в которой он уверен. Запомнила?

— Запомнила, — слабо улыбнулась Ирина. — А вдруг меня начнут спрашивать про твою первую жену?

— А ты ничего не знаешь, это вообще не твое дело.

— Но ведь считается, что это я вас развела. Если я

начну напирать на крепкий тыл и любимую жену, разговор может выйти на нее. Как тогда быть?

— Мило улыбайся и отвечай, что эта тема тебе неприятна. Что может быть естественней? Ирочка, я еще раз повторяю, если ты сама не будешь бояться, все пройдет отлично. Пойдем, я провожу тебя до корпуса, ты, наверное, замерзла.

— Да, немного. — Она зябко повела плечами. — Эта шуба такая холодная, никак к ней не привыкну. Моя дубленка была теплее.

— Что поделать, привыкай. Жена политика не должна ходить в дубленке, это неприлично.

— Ты уже говорил, я не забыла.

Они молча дошли до ярко освещенного входа в корпус и вошли в холл. Березин нежно поцеловал ее в щеку, дождался, пока за Ириной закроются двери лифта, и вышел на улицу. Несмотря на все успокаивающие слова, которые он ей говорил, сам Сергей Николаевич нервничал ничуть не меньше. А может быть, и больше. Две Ирины в его жизни. Две Ирины. Одна оказалась сущим адом, проклятием. А чем окажется другая? Спасательным кругом или ловушкой, в которую он сам себя загоняет?

* * *

Тяжело переставляя ноги, Галина Ивановна Параскевич шла домой из магазина. Сумки с продуктами были неподъемными, и она все пыталась взять в толк, для чего она столько накупила. По привычке, наверное. Двадцать семь лет они в семье справляли Новый год торжественно, обязательно с елкой и подарками под ней, приглашали друзей и родственников. Потом, когда Ленечка подрос, на Новый год приходили его друзья, потом и девушки. А уж когда женился, то и Светочкины родители и подружки. В доме Параскевичей этот праздник любили, готовились к нему загодя и отмечали шумно и весело. А теперь Ленечки нет больше... Две недели как схоронили. И зачем она тащит домой все эти продукты? Ка-

кой теперь праздник? Горе, одно безысходное, нескончаемое горе.

В декабре темнеет рано, еще только семь часов, а кажется, будто ночь. Галина Ивановна свернула в проход между домами, там фонари не горели, но зато путь к дому был короче.

— Мама, — послышался тихий и какой-то неземной голос.

Галина Ивановна замерла, руки сами собой разжались, и сумки упали на снег.

— Ленечка, — прошептала она. — Ленечка, сынок.

— Мама... — Голос, казалось, куда-то удалялся, делался все тише и тише, но никому другому он принадлежать не мог. Только Леониду. — Мама, теперь ты довольна? Теперь все, как ты хотела.

— Леня!!! — закричала Галина Ивановна во весь голос и тут же опомнилась.

Какой Леня? Леня на кладбище, в колумбарии. А вот душа его, невинно загубленная, до сих пор успокоения не найдет, потому и мерещится ей его голос. В который раз уже мерещится. Никогда он ей не простит, что Светлану невзлюбила с первого дня. Хоть и делала вид, что хорошо относится к невестке, а все равно нет-нет да и проскользнет недовольство. Ленечка чуткий был, настроение матери понимал с полувздоха. Иногда в порыве говорил ей:

— Ты была бы счастлива, если бы Светка в твоём доме не появлялась. И почему ты ее так не любишь? Но имей в виду, пока она моя жена, она будет приходить сюда вместе со мной.

Конечно, он был прав, что и говорить. Галина Ивановна Светлану не просто не любила — видеть ее не могла. И дело здесь было не в Светлане как таковой, а в том, что она — жена сына, она теперь его хозяйка, она видит его чаще и проводит с ним больше времени, чем мать. И сын думает о ней больше, чем о матери. И скучает без нее сильнее, чем без матери. Что же, выходит, она его растила, одевала, кормила, учила, лечила, а все для того, чтобы потом этот сильный, красивый, образованный парень достался уже готовеньким какой-то там... И все, и мать побоку. Га-

лина Ивановна изо всех сил старалась найти в невестке явные и тайные недостатки, чтобы оправдать свою ненависть к ней, и не понимала, что, будь она даже ангелом во плоти, ничего бы не изменилось. Все равно не любила бы, все равно ненавидела бы и со свету сживала. Как говорилось в старой шутке: кого бы там себе ни выбрал, она мне уже не нравится.

Вот теперь, после Ленечкиной смерти, и мерещится Галине Ивановне его голос. Упрекает ее сын, простить не может. Конечно, теперь Светлана вроде как уже и не член их семьи, живет отдельно, к ним в дом ходить не будет. Ну и ладно. Век бы ее не видеть.

Подняв валяющиеся в снегу сумки, Галина Ивановна поплелась домой.

* * *

Чтобы не замерзнуть, Настя надела на себя три свитера — один тонкий, типа водолазки, с высоким воротом, другой — потолще, а третий совсем свободный, толстой вязки и длиной до колен. Обмотав шею пушистым шарфом, она натянула сверху пуховик и подумала, что теперь, пожалуй, сможет выдержать ритуальную прогулку с Иваном Алексеевичем.

Заточный ждал ее, как обычно, на платформе метро «Измайловская», невысокий, худощавый, в куртке, накинутой поверх спортивного костюма, и с непокрытой головой.

— На вас смотреть холодно, — улыбнулась Настя, подходя к нему. — Как бы мне научиться не мерзнуть? А где Максим?

— Наверху, по киоскам бегают, ищет подарок для своей девушки к Новому году.

Сын генерала заканчивал школу и собирался поступать в тот самый Московский юридический институт, о бедах и проблемах которого так хорошо был осведомлен Заточный. Иван Алексеевич всерьез занялся спортивной подготовкой Максима, потому что нормативы для поступления в институт были довольно суровыми.